

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо; только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Что жь? коли самому бѣдняку помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасенки о немъ слагаютъ. Послушайте жь у меня одну такую сказку.

На Украинѣ есть много своихъ христіанскихъ обычаевъ, съ которыми люди живутъ и старѣются и умираютъ. Одинъ такой обычай — коли не знаете, такъ вѣдь надо вамъ разсказать это напередъ, а коли знаете, такъ не взыщите — на Украинѣ есть такой обычай, что противъ свѣтлого праздника не заливаютъ и не тушать огня, а каждый хозяинъ держитъ багатье (*) во

(*) На Украинѣ для огня есть три названія: *огонь*, или *уогонь*, *світило* и *багатье*. Свѣтломъ называютъ его, когда рѣчь идетъ о свѣчѣ, или каганцѣ; багатьемъ, когда надобно зажечь что-

всю ночь, чтобы было гдѣ засвѣтить передъ образомъ свѣчку, какъ воротится народъ отъ заутрени. Вотъ дождались свѣтлого праздника; всѣ хозяйки въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобы было чѣмъ разговѣться и своимъ и добрымъ захожимъ людямъ; вотъ понесли пасхи (то—есть куличи) и жареныхъ порослятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ свѣтлый праздникъ.

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ—вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый работящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чемъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотинка, что два раза погорѣль, такъ еще и хозяйка бѣдная померла, покинувъ ему полную хату дѣтей; остался онъ вдовцомъ да притомъ и

нибудь, напримѣръ, свѣчу, разложить огня, или закурить трубку; во всѣхъ прочихъ случаяхъ употребляютъ слово «огонь».

нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова не идутъ за него, дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе. Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое ему житье? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ и обнищалъ вовсе и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего, ни пасхи, ни жаренаго поросенка, да что бы ему и готовить, когда во весь великий постъ и огня въ печи не разводили: ни топлива нѣтъ, ни варева. Промолился онъ усердно всю ночь, да, выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко; вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться, пошелъ домой, положилъ все на столъ, досталъ изъ-за образовъ свѣчечку и хотѣль-было затеплить ее да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился — огня нѣть; на дворѣ было еще темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ не тушится, онъ вспомнилъ и

былую пору, когда и онъ живаль не хуже людей и водилось у него свое багатье въ дому. Что дѣлать! такъ Богу угодно. Пошелъ онъ къ сосѣду. «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ» — «Дайте, люди добрые, багатья, засвѣтить свѣчу!» — «Вотъ человѣкъ: и свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за багатьемъходить! Иди съ Богомъ домой; ноныче всякъ дома про себя багатье держитъ, а тутъ не до тебя; не—ужь—то ты не припасъ своего?»

Пошелъ онъ, сердечный, къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходить за огнемъ, и прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвертый — вездѣ то же: вездѣ готовять столъ, всякому до себя, никому нѣть нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, а гдѣ еще и выбранятъ, да и прогонятъ: «поди, говорятъ, не до тебя теперь, а за багатьемъ ступай въ поле, къ чумакамъ — тамъ дадутъ».

Заплакалъ бѣднякъ мой, обошедши почти все село, и подумалъ: «Господи Боже

мой! за что же меня еще и люди обижаютъ? Они жь меня знаютъ: не воръ я, не пьяница; навалилась на меня бѣда и нищета и самъ не знаю за что и откуда, а они еще горько насмѣхаются надо мной... видно, сами не знали они нищеты... Богъ ихъ простить. Того не спросять, что отъ самой масляны ни кручинки въ домѣ не было, и не готовили ни разу, а пѣняютъ за грѣхъ, что своего огня нѣтъ».

Подумавъ такъ, убогій стояль среди улицы, въ концѣ села, и ужь не зналъ, куда идти и что дѣлать; взглянуль онъ въ чистое поле, анъ за селомъ свѣтится огонекъ. «Вотъ» подумалъ онъ, «и вправду, что пойду изъ села къ чумакамъ за огнемъ, больше ныкуда дѣваться; авось хоть чумаки не откажутъ; а ужь это не кто больше, какъ чумаки. Пойду; не оставаться же въ эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки, а хатѣ моей безъ свѣта; больно за дѣтокъ. Вонъ какъ свѣтло во всѣхъ хатахъ, какъ весело смотрѣть вдоль улицы!»

Пошелъ онъ за село и пришелъ прямо къ огню. Точно, это стояли чумаки; помнятъ

святой праздникъ и они, хоть и засталъ онъ ихъ въ полѣ: сидять вокругъ огня, въ праздничныхъ кобенякахъ и свиткахъ; видно, также недавно воротились отъ заутрени. «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ». — «Дайте багатья, люди добрые!» — «Изволь; да во что жь ты возьмешь?» — «Да вотъ дайте хоть свѣчечку затеплить!» — «Не донесешь ты свѣчи до села: тутъ въ полѣ вѣтерокъ ходить, задуетъ. Подставь-ка полу свитки, мы тебѣ багатья въ полу насыплемъ». Онъ подставилъ полу, недолго думавъ, а они сгребли жару, просто руками, да и высыпали ему въ свитку. «Ступай съ Богомъ, не бойсь ничего, донесешь».

Что думалъ онъ, когда бралъ жаръ въ полу — не знаю; но какъ человѣкъ простой и вѣрующій, никогда не обманывавшій другихъ, онъ положилъ свѣчечку свою за пазуху, собраль хорошенько конецъ полы и пришелъ домой. «Коли люди гребли да насыпали руками, такъ почему жь де мнѣ не донести въ полѣ?» Войдя въ избу, онъ затеплилъ напередъ всего свѣчу, поставилъ

ее къ образамъ, положиль три поклона, всталъ, чтобы убрать столъ подаяніемъ и будить дѣтей, взглянуль на припечекъ, куда вѣсыпалъ изъ полы жаръ, а тамъ, вмѣсто жара, лежитъ куча золота, все червонцы. Обрадовался убогій, поняль, что ему это Богъ далъ, еще разъ помолился, положиль на столъ ломти пасхи и яички, которыя собралъ, когда христосовался съ міромъ, и сталъ будить дѣтей, приказывая имъ скорѣе умыться, помолиться, похристосоваться съ отцомъ и между собою, да садиться за столъ и разговляться.

Сосѣдъ убогаго, который не далъ ему огня, увидѣвъ, однако, что въ хатѣ его свѣтло, подошелъ взглянуть въ окно, что тамъ дѣлается, да и увидѣль на загнеткѣ кучу червонцевъ. Удивившись этому, онъ вошелъ и сталъ разспрашивать бѣдняка, а этотъ, не таясь ни въ чёмъ, рассказалъ ему все, какъ было. Сосѣдъ вышелъ на улицу, глянуль въ ту сторону, куда ходилъ убогій, и также увидалъ огонекъ. «Постой же» подумалъ онъ: «пойду и я за червонцами» и пошелъ.

Тѣмъ часомъ баба выбѣжала за чѣмъ-то изъ другой избы и также подошла къ окну убогаго, всплеснула руками, вошла въ хату, чтобы полюбоваться червонцами, разспросить сосѣда обо всемъ и позавидовать ему; а узнавъ, какъ это все сталось, побѣжала домой и погнала мужа, едва только давъ ему шапку ухватить, чтобы шель скорѣе за село къ чумакамъ: тамъ-де, для свѣтлаго праздника, раздаютъ пригоршнями червонцы. «Да смотри, больше нагребай» кричала она ему слѣдомъ: «чтобъ не пришлось мнѣ ругать тебя для праздника, какъ воротишься».

Выпроводивъ мужа, сосѣдка опять побѣжала къ окну убогаго, тамъ опять домой, тамъ на улицу, посмотреть, свѣтится ли еще у чумаковъ огонекъ; другіясосѣдки увидѣли ее, стали спрашивать; она хотѣла—было промолчать, чтобъ другимъ никому червонцы не доставались, чтобъ ей все одной захватить, да не утерпѣла, рассказала все, и пошла еще по всему селу и стала всѣхъ подводить къ окну убогаго, показывать червонцы и рассказывать, какое

Богъ послалъ счастье этому человѣку и гдѣ ихъ достать можно. И всѣ бабы погнали гономъ мужиковъ своихъ за село, къ чумакамъ, чтобы нагрести побольше золота да принести въ полѣ домой. Вотъ приходятъ они толпой и встрѣчаютъ того, первого, который пошелъ напередъ. «Что, дали?» — «Какже, насыпали двѣ пригоршни». — «Такъ постой же, братецъ, не уходи, вотъ и мы заберемъ, да чуръ все вмѣстѣ ссыпать, да и подѣлить, чтобы никому не было обидно: такъ мы положили міромъ, а ты отъ міру не прочь». — «Ладно, говорить, пусть по—вашему».

Подошли они къ чумакамъ, которые все еще чинно сидѣли вокругъ огня, сняли шапки, похристосовались и стали просить багатья. Тѣ поглядѣли на нихъ, но не сказали ничего, кроме только что велѣли каждому подставить поочередно полу и насыпали каждому по пригоршнѣ: «Будеть по одной» сказали они, когда тѣ все еще стояли, будто чего дожидаясь: «все мало! Вѣдь васъ много пришло, надо раздѣлить на всѣхъ». Ну, поблагодарили мужики мои и

за это, и, видя, что жарь лежить въ полѣ какъ галька и не горить, обрадовались и бойко пошли къ селу, домой.

Обрадовались мужики мои, да не надолго. «А что это» сказалъ одинъ, когда они только-что отошли отъ чумаковъ: «пахнетъ будто паленымъ? Понюхай, будто кто къ празднику свинью опалилъ». — «Правда, что пахнетъ» сказалъ другой, да какъ закричить, потому-что подставилъ—было подъ полу руку, да обжегъ ее, да какъ выкинетъ изъ полы жарь, а свитку скорѣе съ плечъ, да давай гасить ее, топтать ногами... и другой тоже, и третій, и четвертый... крикъ, шумъ, брань, другъ на друга вскидываются, другъ друга ругаютъ; всѣ прожгли новыя свитки и кобеняки свои, а кто и руки пожегъ; дымъ, смрадъ, а чумаковъ нѣть: пропали, какъ въ землю провалились, и волы, и возы, и чумаки, и огонь — нѣть ничего.

«Правду жь я говорила» сказала сосѣдка убогаго, которая первая послала мужа за багатьемъ: «правду жь я говорила, что прійдется мнѣ тебя, дурака, для

праздника бранить... воть и прожегъ новую свиту; теперь что станешь дѣлать?»

А убогій разжился своими червонцами и взяль за себя хорошую дѣвку и даль дѣткамъ своимъ добрую матку. Какіе жь это были чумаки?

В.ДАЛЬ
